
К 750-ЛЕТИЮ РОЖДЕНИЯ ДАНТЕ

А.А. Илюшин

ИЗ АДА ЧЕРЕЗ ЧИСТИЛИЩЕ В РАЙ

Аннотация

Сопоставляем понятия пересказа и перевода применительно к «Комедии» Данте. Воспроизводим пересказ и фрагменты перевода.

Ключевые слова: пересказ, перевод, Данте, «Божественная комедия».

Ilyushin A.A. From Hell through Purgatory to Paradise

Summary. Translation and paraphrase in relation to the «Divine Comedy» by Dante: the publication of the Russian-language retelling and some fragments of translation.

Текущий юбилейный 2015-й год: «суровый Дант» празднует свое 750-летие. По странному стечению обстоятельств, в этом же году исполнилось 75 лет одному из его русских переводчиков. Магия круглых цифр ($750:75=10$) и числовых совпадений (или соответствий) побуждает усматривать в них некую метасимволику скрытых смыслов и значений. Как бы то ни было, сверстникам моим позволительно радоваться тому, что они дожили до такого юбилейного года Данте Алигьери.

В России творения великого флорентийца переводились многократно. С особым тщанием прелагали «Божественную комедию» – как высочайшее достижение ее автора. Бывали в этой области удачные попытки, бывали и «так себе». Однако речь в данном случае пойдет не о них, а об опыте краткого прозаического пересказа знаменитой поэмы (она хоть и «Комедия», но и поэма, даже «священная поэма», как называл ее сам Данте). Занятный жанр. Его не заменить другими, будь то полный перевод произве-

дения или примечания и комментарии к нему, а также предисловия и послесловия, книги и статьи и пр. У пересказа своя соблазнительная прелесть: пересоздать иноязычный стихотворный текст так, чтобы, отказавшись от стиховых форм (ритмики, рифмовки, строфики), тем не менее произвести впечатление художественности, пусть даже иллюзорное. Всё это ради и во имя лаконизма.

Признаком «хорошего тона» стала некая неприязнь скептиков к жанру пересказа. Излагать стихи прозой значит портить их. Что ж, в этом есть некоторая доля правды. Попробуйте пересказать лирическую миниатюру – скорее всего получится просто смешно. Но «Комедия» Данте не миниатюра. При всем том что в ней много лиризма, она и эпична, и многосюжетна, а сюжеты не так уж трудно описывать и пересказывать. Как и кому такое может пригодиться? Разве что экзаменуемому по зарубежной литературе в качестве шпаргалки (ведь сообщено содержание каждой песни). Однако нет, здесь возникают цели и перспективы более серьезные. К тому же некоторые теоретики литературы справедливо полагают, что художественный пересказ (равно как и художественный перевод) умеет становиться формами научной интерпретации поэтических текстов.

Не всегда кажутся оптимальными рубрикация и сочетаемость текстов оригинала внутри излагаемого произведения. Может казаться, что такой-то сюжет завершен в концовке такой-то песни, когда предводитель бесов издал своею задницей непристойный звук. И это еще не все, поскольку продолжение данной темы следует в начале следующей песни, где сообщается, каким же все-таки оглушительно громким был этот неприличный звук – и это еще до того, как автор приступил к разработке другой очередной темы. Тут уж пересказчику приходится либо нарушить рубрикацию, или, согласно принятому решению, приравнять сотню нумерованных абзацев пересказа ста песням оригинала, тоже нумерованным. Ср. с эпизодом Уголино, который тоже не уместился во фрагменте одной песни, а потребовал двух соседних (сперва поменьше и потом побольше).

Пересказчик, судя по всему, не должен остаться безучастным к проблемам синонимии, т.е. к выбору предпочтительного слова в синонимическом ряду, если таковой имеется. Или в синонимической паре решить, что в данном контексте уместнее:

«звезды» или «светила», «престол» или «трон», «жопа» или «задница»... И еще – насчет цитации: допустимы ли вообще в пересказе «Комедии» цитаты из его русскоязычного перевода, если последний абсолютно точен, можно сказать дословен. Кажется, а почему бы и нет. Заключительные строки «Чистилища» и «Рая» – соответственно «Чист и достоин подняться на звезды» и «Любовь, что движет и солнце, и звезды» не что иное, как точный перевод с итальянского, и они же входят в предлагаемый пересказ «Комедии».

Вопросов много, ответов меньше – не сложились еще правила игры в Пересказ поэзии. Приближаясь к завершению этого вступительного очерка, вновь открываем «Комедию» на первой странице, начинаем читать первую терцину: «На полдороге жизни...» Допустим, читатель не знает, какой именно возраст человеческой жизни считался «срединным» (35-летний). Но пересказчик и не должен ему это разъяснять. Это дело комментатора. Каждому свое. Распределение труда. Читаем дальше. «Я заблудился...» Недоумения продолжают. Непонятно, кто такой этот «я»: автор или персонаж, или и то и другое вместе. И опять-таки это не должно так или иначе озаботить пересказчика, роль которого в судьбе произведения определится позже – когда все завершится и свершится, события произойдут и гений Данте обретет зыскуемое бессмертие.

Перейдем же к пересказу.

Данте Алигьери

Божественная комедия

Ад

1. На полдороге жизни я – Данте – заблудился в дремучем лесу. Страшно, кругом дикие звери – аллегии пороков; деться некуда. И тут является призрак, оказавшийся тенью любимого мною древнеримского поэта Вергилия. Прошу его о помощи. Он обещает увести меня отсюда в странствия по загробному миру, с тем чтобы я увидел Ад, Чистилище и Рай. Я готов следовать за ним.

2. Да, но по силам ли мне такое путешествие? Я оробел и заколебался. Вергилий укорил меня, рассказав, что сама Беатриче (моя покойная возлюбленная) снизошла к нему из Рая в Ад и просила быть моим проводником в страстностях по загробью. Если так, то нельзя колебаться, нужна решимость. Веди меня, мой учитель и наставник! Над входом в Ад надпись, отнимающая всякую надежду у входящих. Мы вошли. Здесь, прямо за входом, стонут жалкие души не творивших при жизни ни добра, ни зла. Далее река Ахерон. Через нее свирепый Харон перевозит на лодке мертвецов. Нам – с ними. «Но ты же не мертвец!» – гневно кричит мне Харон. Вергилий усмирил его. Поплыли. Издали слышен грохот, дует ветер, сверкнуло пламя. Я лишился чувств...
3. Первый круг Ада – Лимб. Тут томятся души некрещеных младенцев и славных язычников – воителей, мудрецов, поэтов (в их числе и Вергилия). Они не мучаются, а лишь скорбят, что им как нехристианам нет места в Раю. Мы с Вергилием примкнули к великим поэтам древности, первый из которых Гомер. Степенно шли и говорили о неземном.
4. У спуска во второй круг подземного царства демон Минос определяет, какого грешника в какое место Ада надлежит низвергнуть. На меня он отреагировал так же, как Харон, и Вергилий так же его усмирил. Мы увидели уносимые адским вихрем души сладострастников (Клеопатра, Елена Прекрасная и др.). Среди них Франческа, и здесь неразлучная со своим любовником. Безмерная взаимная страсть привела их к трагической гибели. Глубоко сострадавая им, я вновь лишился чувств.
5. В круге третьем свирепствует звероподобный пес Цербер. Залаял было на нас, но Вергилий усмирил и его. Здесь валяются в грязи, под тяжелым ливнем, души грешивших обжорством. Среди них мой земляк, флорентиец Чакко. Мы разговорились о судьбах родного города. Чакко попросил меня напомнить о нем живым людям, когда вернусь на землю.

6. Демон, охраняющий четвертый круг, где казнят расточителей и скупцов (среди последних много духовных лиц – папы, кардиналы), – Плутос. Вергилию тоже пришлось его осадить, чтобы отвязался. Из четвертого спустились в пятый круг, где мучаются гневные и ленивые, погрязшие в болотах Стигийской низины. Подошли к какой-то башне.
7. Это целая крепость, вокруг нее обширный водоем, в челне – гребец, демон Флегий. После очередной перебранки сели к нему, плывем. Какой-то грешник попытался уцепиться за борт, я его обругал, а Вергилий отпихнул.
Перед нами адский город Дит. Всякая мертвая нечисть мешает нам в него войти. Вергилий, оставив меня (ох, страшно одному!), пошел узнать, в чем дело, вернулся озабоченный, но обнадеженный.
8. А тут еще и адские фурии перед нами предстали, угрожая. Выручил внезапно явившийся небесный посланник, обуздавший их злобу. Мы вошли в Дит. Всюду объятые пламенем гробницы, из которых доносятся стоны еретиков. По узкой дороге пробираемся между гробницами.
9. Из одной гробницы вдруг выросла могучая фигура. Это Фарината, мои предки были его политическими противниками. Во мне, услышав мою беседу с Вергилием, он угадал по говору земляка. Гордец, казалось, он презирает всю бездну Ада. Мы заспорили с ним, а тут из соседней гробницы высунулась еще одна голова: да это же отец моего друга Гвидо! Ему померещилось, что я мертвец и что сын его тоже умер, и он в отчаянии упал ниц. Фарината, успокой его; жив Гвидо!
10. Близ спуска из шестого круга в седьмой, над могилой папы-еретика Анастасия, Вергилий объяснил мне устройство оставшихся трех кругов Ада, сужающихся книзу (к центру земли), и какие грехи в каком поясе какого круга караются.
11. Седьмой круг сжат горами и охраняем демоном-полубыком Минотавром, грозно заревевшим на нас. Вергилий прикрикнул на него, и мы поспешили отойти по-

дальше. Увидели кипящий кровью поток, в котором варятся тираны и разбойники, а с берега в них кентавры стреляют из луков. Кентавр Несс стал нашим провожаемым, рассказал о казнимых насильниках и помог перейти кипящую реку вброд.

12. Кругом колючие заросли без зелени. Я сломал какую-то ветку, а из нее заструилась черная кровь, и ствол застонал. Оказывается, эти кусты – души самоубийц (насильников над собственной плотью). Их клюют адские птицы Гарпии, топчут мимо бегущие мертвецы, причиняя им невыносимую боль. Один растоптанный куст попросил меня собрать сломанные сучья и вернуть их ему. Выяснилось, что несчастный – мой земляк.
13. Я выполнил его просьбу, и мы пошли дальше. Видим – песок, на него сверху слетают хлопья огня, опалая грешников, которые кричат и стонут – все, кроме одного: тот лежит молча. Кто это? Царь Капаней, гордый и мрачный безбожник, сраженный богами за свою строптивость. Он и сейчас верен себе: либо молчит, либо громко клянет богов. «Ты сам себе мучитель!» – перекричал его Вергилий...
14. А вот навстречу нам, мучимые огнем, движутся души новых грешников. Среди них я с трудом узнал моего высокочтимого учителя Брунетто Латини. Он среди тех, кто повинен в склонности к однополю любви. Мы разговорились. Брунетто предсказал, что в мире живых ждет меня слава, но будут и многие тяготы, перед которыми нужно устоять. Учитель завещал мне беречь его главное сочинение, в котором он жив, – «Клад».
15. И еще трое грешников (грех – тот же) пляшут в огне. Все флорентийцы, бывшие уважаемые граждане. Я поговорил с ними о злосчастиях нашего родного города. Они просили передать живым землякам, что я видел их. Затем Вергилий повел меня к глубокому провалу в восьмой круг. Нас спустит туда адский зверь. Он уже лезет к нам оттуда.
16. Это пестрый хвостатый Герийон. Пока он готовится к спуску, есть еще время посмотреть на последних му-

чеников седьмого круга – ростовщиков, мающихся в вихре пылающей пыли. С их шей свисают разноцветные кошельки с разными гербами. Разговаривать я с ними не стал. В путь! Усаживаемся с Вергилием верхом на Гериона и – о ужас! – плавно летим в провал, к новым мукам. Спустились. Герион тотчас же улетел.

17. Восьмой круг разделен на десять рвов, называемых Злопазухами. В первом рву казнятся сводники и соблазнительницы женщин, во втором – льстецы. Сводников зверски бичуют рогатые бесы, льстецы сидят в жидкой массе смрадного кала – вонь нестерпимая. Кстати, одна шлюха наказана здесь не за то, что блудила, а за то, что льстила любовнику, говоря, что ей хорошо с ним.
18. Следующий ров (третья пазуха) выложен камнем, пестреющим круглыми дырами, из которых торчат горящие ноги высокопоставленных духовных лиц, торговавших церковными должностями. Головы же и туловища их зажаты скважинами каменной стены. Их преемники, когда умрут, будут так же на их месте дрыгать пылающими ногами, полностью втеснив в камень своих предшественников. Так объяснил мне папа Орсини, поначалу приняв меня за своего преемника.
19. В четвертой пазухе мучаются прорицатели, звездочеты, колдуньи. У них скручены шеи так, что, рыдая, они орошают себе слезами не грудь, а зад. Я и сам зарыдал, увидев такое издевательство над людьми, а Вергилий пристыдил меня; грех жалеть грешников! Но и он с сочувствием рассказал мне о своей землячке, прорицательнице Манто, именем которой была названа Мантуя – родина моего славного наставника.
20. Пятый ров залит кипящей смолой, в которую черти Злохваты, черные, крылатые, бросают взяточников и следят, чтобы те не высывались, а не то подденут грешника крючьями и отделают самым жестоким образом. У чертей клички: Злохвост, Косокрылый и пр. Часть дальнейшего пути нам придется пройти в их жуткой компании. Они кривляются, показывают языки, их шеф произвел задом оглушительный непристойный звук.

21. Такого звука я еще не слыхивал! Мы идем с ними вдоль канавы, грешники ныряют в смолу – прячутся, а один замешкался, и его тут же вытащили крючьями, собираясь терзать, но позволили прежде нам побеседовать с ним. Бедняга хитростью усыпил бдительность Злохватов и нырнул обратно – поймать его не успели. Раздраженные черти подрались между собой, двое свалились в смолу.
22. В суматохе мы поспешили удалиться, но не тут-то было! Они летят за нами. Вергилий, подхватив меня, еле-еле успел перебежать в шестую пазуху, где они не хозяева. Здесь лицемеры изнывают под тяжестью свинцовых позолоченных одежд. А вот распятый (прибитый к земле колами) иудейский первосвященник, настаивавший на казни Христа. Его топчут ногами отяжеленные свинцом лицемеры.
23. Труден был переход: скалистым путем – в седьмую пазуху. Тут обитают воры, кусаемые чудовищными ядовитыми змеями. От этих укусов они рассыпаются в прах, но тут же восстанавливаются в своем обличье. Среди них Ванни Фуччи, обокравший ризницу и сваливший вину на другого.
24. Человек грубый и богохульствующий: Бога послал «на фиг», воздев кверху два кукиша. Тут же на него набросились змеи (люблю их за это). Потом я наблюдал, как некий змей сливался воедино с одним из воров, после чего принял его облик и встал на ноги, а вор уполз, став пресмыкающимся гадом. Чудеса! Таких метаморфоз не отыщите и у Овидия.
25. Ликуй, Флоренция: эти воры – твоё отродье! стыдно... А в восьмом рву обитают коварные советчики. Среди них Улисс (Одиссей), его душа заточена в пламя, способное говорить! Так, мы услышали рассказ Улисса о его гибели: жаждущий познать неведомое, он уплыл с горсткой смельчаков на другой конец света, потерпел кораблекрушение и вместе с друзьями утонул вдали от обитаемого людьми мира.
26. Другой говорящий пламень, в котором скрыта душа не назвавшего себя по имени лукавого советчика, рассказал

мне о своем грехе: этот советчик помог римскому папе в одном несправедном деле – рассчитывая на то, что папа отпустит ему его прегрешение. К простодушному грешнику небеса терпимее, чем к тем, кто надеется спастись покаянием. Мы перешли в девятый ров, где казнят сеятелей смуты.

27. Вот они, зачинщики кровавых раздоров и религиозных смут. Дьявол увечит их тяжелым мечом, отсекает носы и уши, дробит черепа. Тут и Магомет, и побуждавший Цезаря к гражданской войне Курион, и обезглавленный воин-трубадур Бертран де Борн (голову в руке несет, как фонарь, а та восклицает: «Горе!»).
28. Далее я встретил моего родича, сердитого на меня за то, что его насильственная смерть осталась неотомщенной. Затем мы перешли в десятый ров, где алхимики маются вечным зудом. Один из них был сожжен за то, что шутил хвастался, будто умеет летать, – стал жертвой доноса. В Ад же попал не за это, а как алхимик.
29. Здесь же казнятся те, кто выдавал себя за других людей, фальшивомонетчики и вообще лгуны. Двое из них подрались между собой и потом долго бранились (мастер Адам, подмешивавший медь в золотые монеты, и древний грек Синон, обманувший троянцев). Вергилий упрекнул меня за любопытство, с которым я слушал их.
30. Наше путешествие по Злопазухам заканчивается. Мы подошли к колодцу, ведущему из восьмого круга Ада в девятый. Там стоят древние гиганты, титаны. В их числе Немврод, злобно крикнувший нам что-то на непонятном языке, и Антей, который по просьбе Вергилия спустил на своей огромной ладони нас на дно колодца, а сам тут же распрямылся.
31. Итак, мы на дне вселенной, близ центра земного шара. Перед нами ледяное озеро, в него вмерзли предавшие своих родных. Одного я случайно задел ногою по голове, тот заорал, а себя назвать отказался. Тогда я вцепился ему в волосы, а тут кто-то окликнул его по имени. Негодяй, теперь я знаю, кто ты, и расскажу о тебе людям! А он: «Ври, что хочешь, про меня и про других!» А вот

ледяная яма, в ней один мертвец грызет череп другому. Спрашиваю: за что?

32. Оторвавшись от своей жертвы, он ответил мне. Он, граф Уголино, мстит предавшему его бывшему единомышленнику, архиепископу Руджьери, который уморил его и его детей голодом, заточив их в Пизанскую башню. Нестерпимы были их страдания, дети умирали на глазах отца, он умер последним. Позор Пизе! Идем далее. А это кто перед нами? Альбериго? Но он же, насколько я знаю, не умирал, так как же оказался в Аду? Бывает и такое: тело злодея еще живет, а душа уже в преисподней.
33. В центре земли вмерзший в лед властитель Ада Люцифер, низверженный с небес и продолбивший в падении бездну преисподней, обезображенный, трехликий. Из первой его пасти торчит Иуда, из второй Брут, из третьей Кассий, Он жует их и терзает когтями. Хуже всех приходится самому гнусному предателю – Иуде. От Люцифера тянется скважина, ведущая к поверхности противоположного земного полушария. Мы протиснулись в нее, поднялись на поверхность и увидели звезды.

Чистилище

1. Да помогут мне Музы воспеть второе царство! Его страж старец Катон встретил нас не приветливо: кто такие? как смели явиться сюда? Вергилий объяснил и, желая умилостивить Катона, тепло отозвался о его жене Марции. При чем здесь Марция? Пройдите к берегу моря, умыться надо! Мы пошли. Вот она, морская даль. А в прибрежных травах – обильная роса. Ею Вергилий смыл с моего лица копоть покинутого Ада.
2. Из морской дали к нам плывет управляемый ангелом челн. В нем души усопших, которым посчастливилось не попасть в Ад. Причалили, сошли на берег, и ангел уплыл. Тени прибывших столпились вокруг нас, и в одной я узнал своего друга, певца Козеллу. Хотел обнять его, но ведь тень бесплотна – обнял самого себя. Козелла по моей просьбе запел про любовь, все заслушались, но

тут появился Катон, на всех накричал (не делом занялись!), и мы заспешили к горе Чистилища.

3. Вергилий был недоволен собою: дал повод накричать на себя... Теперь нам нужно разведать предстоящую дорогу. Посмотрим, куда двинутся прибывшие тени. А они сами только что заметили, что я-то не тень: не пропускаю сквозь себя свет. Удивились. Вергилий все им объяснил. «Идите с нами», – пригласили они.
4. Итак, спешим к подножию чистилищной горы. Но все ли спешат, всем ли так уж не терпится? Вон близ большого камня расположилась группа не очень торопящихся к восхождению наверх: мол, успеется; лезь тот, кому нейдется. Среди этих ленивцев я узнал своего приятеля Белакву. Приятно видеть, что он, и при жизни враг всякой спешки, верен себе.
5. В предгорьях Чистилища мне довелось общаться с тенями жертв насильственной смерти. Многие из них были изрядными грешниками, но, прощаясь с жизнью, успели искренне покаяться и потому не попали в Ад. То-то досада для дьявола, лишившегося добычи! Он, впрочем, нашел как отыгаться: не обретя власти над душою раскаявшегося погибшего грешника, надругался над его убитым телом.
6. Неподалеку от всего этого мы увидели царственно-величественную тень Сорделло. Он и Вергилий, узнав друг в друге поэтов-земляков (мантуанцев), братски обнялись. Вот пример тебе, Италия, грязный бордель, где напрочь порваны узы братства! Особенно ты, моя Флоренция, хороша, ничего не скажешь... Очнись, посмотри на себя...
7. Сорделло согласен быть нашим проводником к Чистилищу. Это для него большая честь – помочь высокочтимому Вергилию. Степенно беседуя, мы подошли к цветущей ароматной долине, где, готовясь к ночлегу, расположились тени высокопоставленных особ – европейских государей. Мы издали наблюдали за ними, слушая их согласное пение.

8. Настал вечерний час, когда желанья влекут отпльвших обратно, к любимым, и вспоминаешь горький миг прощанья; когда владеет печаль пилигримом и слышит он, как перезвон далекий плачет навзрыд о дне невозвратимом... В долину отдыха земных властителей заполз было коварный змей соблазна, но прилетевшие ангелы изгнали его.
9. Я прилег на траву, заснул и во сне был перенесен к вратам Чистилища. Охранявший их ангел семь раз начертал на моем лбу одну и ту же букву – первую в слове «грех» (семь смертных грехов; эти буквы будут поочередно стерты с моего лба по мере восхождения на чистилищную гору). Мы вошли во второе царство загробья, ворота закрылись за нами.
10. Началось восхождение. Мы в первом круге Чистилища, где искупают свой грех гордецы. В посрамление гордыни здесь воздвигнуты изваяния, воплощающие идею высокого подвига – смирения. А вот и тени очищающихся гордецов: при жизни несгибаемые, здесь они в наказание за свой грех гнутся под тяжестью наваленных на них каменных глыб.
11. «Отче наш...» – эту молитву пели согбенные гордецы. Среди них – художник-миниатюрист Одериз, при жизни кичившийся своей громкой славой. Теперь, говорит, осознал, что кичиться нечем: все равны перед лицом смерти – и ветхий старец, и пролепетавший «ням-ням» младенец, а слава приходит и уходит. Чем раньше это поймешь и найдешь в себе силы обуздать свою гордыню, смириться, – тем лучше.
12. Под ногами у нас барельефы с запечатленными сюжетами наказанной гордыни: низверженные с небес Люцифер и Бриарей, царь Саул, Олоферн и другие. Заканчивается наше пребывание в первом круге. Явившийся ангел стер с моего лба одну из семи букв – в знак того, что грех гордыни мною преодолен. Вергилий улыбнулся мне.
13. Поднялись во второй круг. Здесь завистники, они временно ослеплены, их бывшие «завидушими» глаза ничего не видят. Вот женщина, из зависти желавшая зла своим

землякам и радовавшаяся их неудачам... В этом круге я после смерти буду очищаться недолго, ибо редко и мало кому завидовал. Зато в пройденном круге гордецов – наверное, долго.

14. Вот они, ослепленные грешники, чью кровь когда-то сжигала зависть. В тишине громоподобно прозвучали слова первого завистника – Каина: «Меня убьет тот, кто встретит!» В страхе я приник к Вергилию, и мудрый вождь сказал мне горькие слова о том, что высший вечный свет недоступен завистникам, увлеченным земными приманками.
15. Миновали второй круг. Снова нам явился ангел, и вот на моем лбу остались лишь пять букв, от которых предстоит избавиться в дальнейшем. Мы в третьем круге. Перед нашими взорами пронеслось жестокое видение человеческой ярости (толпа забила камнями кроткого юношу). В этом круге очищаются одержимые гневом.
16. Даже в потемках Ада не было такой черной мглы, как в этом круге, где смиряется ярость гневных. Один из них, ломбардец Марко, разговорился со мной и высказал мысль о том, что нельзя все происходящее на свете понимать как следствие деятельности высших небесных сил: это значило бы отрицать свободу человеческой воли и снимать с человека ответственность за содеянное им.
17. Читатель, тебе случалось бродить в горах туманным вечером, когда и солнца почти не видно? Вот так и мы... Я почувствовал прикосновение ангельского крыла к моему лбу – стерта еще одна буква. Мы поднялись в круг четвертый, освещаемые последним лучом заката. Здесь очищаются ленивые, чья любовь к благу была медлительной.
18. Ленивцы здесь должны стремительно бегать, не допуская никакого потворства своему прижизненному греху. Пусть вдохновляются примерами пресвятой девы Марии, которой приходилось, как известно, спешить, или Цезаря, с его поразительной расторопностью. Пробежали мимо нас, скрылись. Спать хочется. Сплю и вижу сон...

19. Приснилась омерзительная баба, на моих глазах превратившаяся в красавицу, которая тут же была посрамлена и превращена в еще худшую уродину (вот она, мнимая привлекательность порока!). Исчезла еще одна буква с моего лба: я, значит, победил такой порок, как лень. Поднимаемся в круг пятый – к скупцам и расточителям.
20. Скупость, алчность, жадность к золоту – отвратительные пороки. Расплавленное золото когда-то влили в глотку одному одержимому жадностью: пей на здоровье! Мне неуютно в окружении скупцов, а тут еще случилось землетрясение. Отчего? По своему невежеству не знаю...
21. Оказалось, трясение горы вызвано ликованием по поводу того, что одна из душ очистилась и готова к восхождению: это римский поэт Стаций, поклонник Вергилия, обрадовавшийся тому, что отныне будет сопровождать нас в пути к чистилищной вершине.
22. С моего лба стерта еще одна буква, обозначающая грех скупости. Кстати, разве Стаций, томившийся в пятом круге, был скуп? Напротив, расточителен, но эти две крайности караются совокупно. Теперь мы в круге шестом, где очищаются чревоугодники. Здесь не худо бы помнить о том, что христианским подвижникам не было свойственно обжорство.
23. Бывшим чревоугодникам суждены муки голода: отощали, кожа да кости. Среди них я обнаружил своего покойного друга и земляка Форезе. Поговорили о своем, поругали Флоренцию, Форезе осуждающе отозвался о распутных дамах этого города. Я рассказал приятелю о Вергилии и о своих надеждах увидеть в загробном мире любимую мою Беатриче.
24. С одним из чревоугодников, бывшим поэтом старой школы, у меня произошел разговор о литературе. Он признал, что мои единомышленники, сторонники «нового сладостного стиля», достигли в любовной поэзии гораздо большего, нежели сам он и близкие к нему мастера. Между тем стерта предпоследняя литера с моего лба, и мне открыт путь в высший, седьмой круг Чистилища.

25. А я все вспоминаю худых, голодных чревоугодников: как это они так отощали? Ведь это тени, а не тела, им и голодать-то не пристало бы. Вергилий пояснил: тени, хоть и бесплотны, точь-в-точь повторяют очертания подразумеваемых тел (которые исхудали бы без пищи). Здесь же, в седьмом круге, очищаются палимые огнем сладострастники. Они горят, поют и восславляют примеры воздержания и целомудрия.
26. Охваченные пламенем сладострастники разделились на две группы: предававшиеся однополой любви и не знавшие меры в двуполых соитиях. Среди последних – поэты Гвидо Гвиницелли и провансалец Арнальд, изысканно приветствовавший нас на своем наречии.
27. А теперь нам самим надо пройти сквозь стену огня. Я испугался, но мой наставник сказал, что это путь к Беатриче (к Земному Раю, расположенному на вершине чистилищной горы). И вот мы втроем (Стаций с нами) идем, палимые пламенем. Прошли, идем дальше, вечереет, остановились на отдых, я поспал; а когда проснулся, Вергилий обратился ко мне с последним словом напутствия и одобрения. Все, отныне он замолчит...
28. Мы в Земном Раю, в цветущей, оглашаемой щебетом птиц роще. Я увидел прекрасную донну, поющую и собирающую цветы. Она рассказала, что здесь был золотой век, блюлась невинность, но потом, среди этих цветов и плодов, было погублено в грехе счастье первых людей. Услышав такое, я посмотрел на Вергилия и Стация: оба блаженно улыбались.
29. О Ева! Тут было так хорошо, ты ж все погубила своим дерзаньем! Мимо нас плывут живые огни, под ними шествуют праведные старцы в белоснежных одеждах, увенчанные розами и лилиями, танцуют чудесные красавицы. Я не мог наглядеться на эту изумительную картину.
30. И вдруг я увидел ее – ту, которую люблю. Потрясенный, я сделал невольное движение, как бы стремясь прижаться к Вергилию. Но он исчез, мой отец и спаситель! Я зарыдал. «Данте, Вергилий не вернется. Но плакать тебе

придется не по нему. Вглядись в меня, это я, Беатриче! А ты как попал сюда?» – гневно спросила она. Тут некий голос спросил ее, почему она так строга ко мне. Ответила, что я, прельщенный приманкой наслаждений, был неверен ей после ее смерти.

31. Признаю ли я свою вину? О да, меня душат слезы стыда и раскаяния, я опустил голову. «Подними бороду!» – резко сказала она, не веля отводить от нее глаза. Я лишился чувств, а очнулся погруженным в Лету – реку, дарующую забвение совершенных грехов. Беатриче, взгляни же теперь на того, кто так предан тебе и так стремился к тебе.
32. После десятилетней разлуки я глядел ей в очи, и зрение мое на время померкло от их ослепительного блеска. Прозрев, я увидел много прекрасного в Земном Раю, но вдруг на смену всему этому пришли жестокие видения: чудовища, поругание святыни, распутство.
33. Беатриче глубоко скорбела, понимая, сколько дурного кроется в этих явленных нам видениях, но выразила уверенность в том, что силы добра в конечном счете победят зло. Мы подошли к реке Эвное, попив из которой укрепляешь память о совершенном тобою добре. Я и Стаций омылись в этой реке. Глоток ее сладчайшей воды влил в меня новые силы. Теперь я чист и достоин подняться на звезды.

Рай

1. Из Земного Рая мы с Беатриче вдвоем полетим в Небесный, в недоступные уразумению смертных высоты. Я и не заметил, как взлетели, воззрившись на солнце. Неужели я, оставаясь живым, способен на это? Впрочем, Беатриче этому не удивилась: очистившийся человек духовен, а не отягощенный грехами дух легче эфира.
2. Друзья, давайте здесь расстанемся – не читайте дальше: пропадете в бескрайности непостижимого! Но если вы неутолимо алчете духовной пищи – тогда вперед, за мной! Мы в первом небе Рая – в небе Луны, которую Беатриче назвала первой звездой; погрузились в ее

- недра, хотя и трудно представить себе силу, способную вместить одно замкнутое тело (каковым я являюсь) в другое замкнутое тело (в Луну).
3. В недрах Луны нам встретились души монахинь, похищенных из монастырей и насильно выданных замуж. Не по своей вине, но они не сдержали данного при пострижении обета девственности, и поэтому им недоступны более высокие небеса. Жалуют ли об этом? О нет! Жалеть значило бы не соглашаться с высшей праведной волей.
 4. А все-таки недоумеваю: чем же они виноваты, покорясь насилию? Почему им не подняться выше сферы Луны? Винить надо не жертву, а насильника! Но Беатриче пояснила, что и жертва несет известную ответственность за учиненное над нею насилие, если, сопротивляясь, не проявила героической стойкости.
 5. Неисполнение обета, утверждает Беатриче, практически возмездимо добрыми делами (слишком уж много надо их сделать, искупая вину). Мы полетели на второе небо Рая – к Меркурию. Здесь обитают души честолюбивых праведников. Это уже не тени, в отличие от предшествующих обитателей загробного мира, а светлы: сияют и лучатся. Один из них вспыхнул особенно ярко, радуясь общению со мною.
 6. Оказалось, это римский император, законодатель Юстиниан. Он сознает, что пребывание в сфере Меркурия (и не выше) – предел для него, ибо честолюбцы, делая добрые дела ради собственной славы (т.е. любя прежде всего себя), упускали луч истинной любви к божеству.
 7. Свет Юстиниана слился с хороводом огней – других праведных душ. Я задумался, и ход моих мыслей привел меня к вопросу: зачем Богу-Отцу было жертвовать сыном? Можно же было просто так, верховною волей, простить людям грех Адама! Беатриче пояснила: высшая справедливость требовала, чтобы человечество само искупило свою вину. Оно на это неспособно, и пришлось оплодотворить земную женщину, чтобы сын (Христос), совместив в себе человеческое с божеским, смог это сделать.

8. Мы перелетели на третье небо – к Венере, где блаженствуют души любвеобильных, сияющие в огненных недрах этой звезды. Один из этих духов-светов – венгерский король Карл Мартелл, который, заговорив со мной, высказал мысль, что человек может реализовать свои способности, лишь действуя на поприще, отвечающем потребностям его природы: плохо, если прирожденный воин станет священником...
9. Сладостно сияние других любвеобильных душ. Сколько здесь блаженного света, небесного смеха! А внизу (в Аду) безотраднo и угрюмо густели тени... Один из светов заговорил со мной (трубадур Фолько) – осудил церковные власти, своекорыстных пап и кардиналов. Флоренция – город дьявола. Но ничего, верит он, скоро станет лучше.
10. Четвертая звезда – Солнце, обиталище мудрецов. Вот сияет дух великого богослова Фомы Аквинского. Он радостно приветствовал меня, показал мне других мудрецов. Их согласное пение напомнило мне церковный благовест.
11. Фома рассказал мне о Франциске Ассизском – втором (после Христа) супруге Нищеты. Это по его примеру монахи, в том числе его ближайшие ученики, стали ходить босыми. Он прожил святую жизнь и умер – голый человек на голой земле – в лоне Нищеты.
12. Не только я, но и светы – духи мудрецов – слушали речь Фомы, прекратив петь и кружиться в танце. Затем слово взял францисканец Бонавентура. В ответ на хвалу своему учителю, возданную доминиканцем Фомой, он восславил учителя Фомы – Доминика, земледельца и слугу Христова. Кто теперь продолжил его дело? Достойных нет.
13. И опять слово взял Фома. Он рассуждает о великих достоинствах царя Соломона: тот попросил себе у Бога ума, мудрости – не для решения богословских вопросов, а чтобы разумно править народом, т.е. царской мудрости, каковая и была ему дарована. Люди, не судите друг

- о друге поспешно! Этот занят добрым делом, тот – злым, но вдруг первый падет, а второй восстанет?
14. Что будет с обитателями Солнца в судный день, когда духи обретут плоть? Они настолько яркие и духовны, что трудно представить их материализованными. Закончено наше пребывание здесь, мы прилетели к пятому небу – на Марс, где сверкающие духи воителей за веру расположились в форме креста и звучит сладостный гимн.
 15. Один из светочей, образующих этот дивный крест, не выходя за его пределы, подвигся книзу, ближе ко мне. Это дух моего доблестного прапрадеда, воина Каччагвиды. Приветствовал меня и восхвалил то славное время, в которое он жил на земле и которое – увы! – миновало, сменившись худшим временем.
 16. Я горжусь своим предком, своим происхождением (оказывается, не только на суетной земле можно испытывать такое чувство, но и в Раю!). Каччагвида рассказал мне о себе и о своих предках, родившихся во Флоренции, чей герб – белая лилия – ныне окрашен кровью.
 17. Я хочу узнать у него, ясновидца, о своей дальнейшей судьбе. Что меня ждет впереди? Он ответил, что я буду изгнан из Флоренции, в безотрадных скитаниях познаю горечь чужого хлеба и крутизну чужих лестниц. К моей чести, я не буду якшаться с нечистыми политическими группировками, но сам себе стану партией. В конце же концов противники мои будут посрамлены, а меня ждет триумф.
 18. Каччагвида и Беатриче ободрили меня. Закончено пребывание на Марсе. Теперь – с пятого неба на шестое, с красного Марса на белый Юпитер, где витают души справедливых. Их светы складываются в буквы, а буквы – сначала в призыв к справедливости, а затем в фигуру орла, символ правосудной имперской власти, неведомой, грешной, истрадавшей земле, но утвержденной на небесах.
 19. Этот величественный орел вступил со мной в разговор. Он называет себя «я», а мне слышится «мы» (справедливая власть коллегиальна!). Ему понятно то, что сам я

никак не могу понять: почему Рай открыт только для христиан? Чем же плох добродетельный индус, вовсе не знающий Христа? Так и не пойму. А и то правда, – признает орел, – что дурной христианин хуже славного перса или эфиопа.

20. Орел олицетворяет идею справедливости, и у него не когти и не клюв главное, а всезрящее око, составленное из самых достойных светов-духов. Зрачок – душа царя и псалмопевца Давида, в ресницах сияют души дохристианских праведников (а ведь я только что оплошно рассуждал о Рае «только для христиан»? Вот так-то давать волю сомнениям!).
21. Мы вознеслись к седьмому небу – на Сатурн. Это обитель созерцателей. Беатриче стала еще красивее и ярче. Она не улыбалась мне – иначе бы вообще испепелила меня и ослепила. Блаженные духи созерцателей безмолвствовали, не пели – иначе бы оглушили меня. Об этом мне сказал священный светоч – богослов Пьетро Дамьяно.
22. Дух Бенедикта, по имени которого назван один из монашеских орденов, гневно осудил современных своекорыстных монахов. Выслушав его, мы устремились к восьмому небу, к созвездию Близнецов, под которым я родился, впервые увидел солнце и вдохнул воздух Тосканы. С его высоты я взглянул вниз, и взор мой, пройдя сквозь семь посещенных нами райских сфер, упал на смехотворно маленький земной шарик, эту горстку праха со всеми ее реками и горными кручами.
23. В восьмом небе пылают тысячи огней – это торжествующие духи великих праведников. Упоенное ими, зрение мое усилилось, и теперь даже улыбка Беатриче не ослепит меня. Она дивно улыбнулась мне и вновь побудила меня обратить взоры к светозарным духам, запевшим гимн царице небес – святой деве Марии.
24. Беатриче попросила апостолов побеседовать со мной. Насколько я проник в таинства священных истин? Апостол Петр спросил меня о сущности веры. Мой ответ: вера – довод в пользу незримого; смертные не могут

своими глазами увидеть то, что открывается здесь, в Раю, – но да уверуют они в чудо, не имея наглядных доказательств его истинности. Петр остался доволен моим ответом.

25. Увижу ли я, автор священной поэмы, родину? Увенчаюсь ли лаврами там, где меня крестили? Апостол Иаков задал мне вопрос о сущности надежды. Мой ответ: надежда – ожидание будущей заслуженной и дарованной Богом славы. Обрадованный Иаков озарился.
26. На очереди вопрос о любви. Его мне задал апостол Иоанн. Отвечая, я не забыл сказать и о том, что любовь обращает нас к Богу, к слову правды. Все возликовали. Экзамен (что такое Вера, Надежда, Любовь?) успешно завершился. Я увидел лучащуюся душу праотца нашего Адама, недолго жившего в Земном Раю, изгнанного оттуда на землю; после смерти долго томившегося в Лимбе; затем перемещенного сюда.
27. Четыре света пылают передо мной: три апостола и Адам. Вдруг Петр побагровел и воскликнул: «Земной захвачен трон мой, трон мой, трон мой!» Петру ненавистен его преемник – римский папа. А нам пора уже расставаться с восьмым небом и возноситься в девятое, верховное и кристальное. С неземной радостью, смеясь, Беатриче метнула меня в стремительно вращающуюся сферу и вознеслась сама.
28. Первое, что я увидел в сфере девятого неба, – это ослепительная точка, символ божества. Вокруг нее вращаются огни – девять концентрических ангельских кругов. Ближайшие к божеству и потому меньшие – серафимы и херувимы, наиболее отдаленные и обширные – архангелы и просто ангелы. На земле привыкли думать, что великое больше малого, но здесь, как видно, все наоборот.
29. Ангелы, рассказала мне Беатриче, ровесники мироздания. Их стремительное вращение – источник всего того движения, которое совершается во Вселенной. Поторопившиеся отпасть от их сонма были низвержены в Ад, а оставшиеся до сих пор упоенно кружатся в Раю, и не

- нужно им мыслить, хотеть, помнить: они вполне удовлетворены!
30. Вознесение в Эмпирей – высшую область Вселенной – последнее. Я опять воззрися на ту, чья возрастающая в Раю красота поднимала меня от высей к высям. Нас окружает чистый свет. Повсюду искры и цветы – это ангелы и блаженные души. Они сливаются в некую сияющую реку, а потом обретают форму огромной райской розы.
 31. Созерцая розу и постигая общий план Рая, я о чем-то хотел спросить Беатриче, но увидел не ее, а ясноокого старца в белом. Он указал наверх. Гляжу – в недосыгаемой вышине светится она, и я воззвал к ней: «О донна, оставившая след в Аду, даруя мне помощь! Во всем, что вижу, сознаю твое благо. За тобой я шел от рабства к свободе. Храни меня и впредь, чтобы дух мой достойным тебя освободился от плоти!» Взглянула на меня с улыбкой и повернулась к вечной святыне. Всё.
 32. Старец в белом – святой Бернард. Отныне он мой наставник. Мы продолжаем с ним созерцать розу Эмпирея. В ней сияют и души непорочных младенцев. Это понятно, но почему и в Аду были кое-где души младенцев – не могут же они быть порочными в отличие от этих? Богу виднее, какие потенции – добрые или дурные – в какой младенческой душе заложены. Так пояснил Бернард и начал молиться.
 33. Бернард молился деве Марии за меня – чтобы помогла мне. Потом дал мне знак, чтобы я посмотрел наверх. Всмотревшись, вижу верховный и ярчайший свет. При этом не ослеп, но обрел высшую истину. Созерцаю божество в его светозарном триединстве. И влечет меня к нему Любовь, что движет и солнце и звезды.

Как-то неловко, говоря о поэте, ограничиться обращенностью исключительно к прозе и будто бы забыть о нем как о большом мастере версификационных форм. А ведь его «Комедия» – вещь поэтическая, стихотворная. Вот он, итальянский силлабический бесцезурный женский 11-сложник в дантовском исполнении! Это

из области ритмики и метрики. Далее: вот какова терцинная цепь – строфика (или субстрофика?) «Комедии». И вот они, рифмы – безукоризненно точные и почти все женские. Наконец, приметы дантовского языка и стиля: символика, архаика, неологизмы и пр. Дело доходит до таблиц и схем. Читающему большинству скучновата лингвостиховедческая цифирь. Но обойдясь без нее, далеко вперед не двинемся.

Итак, желательно по возможности восполнить этот текст недостающим, т.е. расцветив и завершив его цитацией Дантовых стихов из трех кантик «Комедии» – из Ада через Чистилище в Рай.

В сентябре 1999 г. пересказчику-преложителю довелось читать свой перевод 14-й песни «Ада» (Равенна, Базилика ди Сан Франческо в нескольких шагах от захоронения Данте) – текст фрагмента диалога между Вергилием и Капанеем:

*«Как жил, таким я и пребуду мертвый!
Зевсов кузнец пусть потеет у горна,
Выделявая стрелы громовые, –
Разить меня, как было встарь, упорно,
И пусть потеют мастера другие
На Монджибелло в кузнице померклой
Под крик «Вулка-ан! Помоги-моги-и» –
Как это было в оны дни над Флегрой, –
Меня не сломит полновластный мститель,
Сколь ни кидайся он лавой изверглой».
Тогда воскликнул страстно мой учитель
Так громко, как я не слышал доньше:
О Капаней, ты сам себе мучитель,
Ты непомерной исполнен гордыни,
Нет тебе пытки злей и непристойней,
Чем твоя ярость, – нет такой в помине».*

Кто из них громче – Вергилий или Капаней? Оба громче. Взрыв ярости, негодование, перекричать бы всех, включая все-сильных мучителей-богов, – такова она, роковая патетика Ада, и таков он, неистовый богоборец Капаней, язвимый свыше острыми стрелами-молниями, но отстоявший свою царственную независимость.

Куда спокойнее обретаться в Чистилище, временные обитатели которого искупят или искупили свои земные грехи, после

чего им позволено переселиться сначала в Земной, а потом в Небесный Рай. Изысканная тонкость и деликатность чувствований порой становятся атмосферою второй кантики. Примечательные тому образцы – некоторые терцины 8-й и 27-й песней «Чистилища»:

*Настал вечерний час, когда желанья
Влекут отпльвших обратно, к любимым,
И вспоминаешь горький миг прощанья;
Когда владеет печаль пилигримом
И слышит он, как перезвон далекий
Плачет навзрыд о дне невозвратимом.*

.....

*Нам предстояло в правый путь пуститься,
Ведущий вверх меж скал, и видно стало,
Как предо мною тень моя ложится.
Вверх по ступеням продвинулись мало –
А солнце село: тень моя исчезла
И сумеречной мглы пора настала.
Ночь догнала нас и на скалы влезла,
И сонно глядя, как небо мрачнеет,
Мы на ступени сели будто в кресла.*

В высотах Небесного Рая Данте потерял свою возлюбленную Беатриче. Она неизмеримо далека от него, но он видит ее издали и взывает к ней (песнь 31-я третьей кантики):

*О донна, ты, в ком все мои надежды
Сбылись, коль скоро, помощь мне даруя
Пресекла Ада роковой рубеж ты,
Где след остался твой! Во всем, что зрю я,
Твоея силы и твоего блага
И доброту и доблесть признаю я.
По твоему, не замедляя шага,
Пути я влекся от рабства к свободе:
Дана тобою мне эта отвага.
Храни меня и впредь в своей щедроте,
С тем чтобы дух мой, исцелен отныне,
Тебе угодным сбросил бремя плоти.*